

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

М. О. КОСВЕН

ИЗ ПЕРЕПИСКИ БАХОФЕНА С МОРГАНОМ

Не приходится напоминать о том, какое важное место занимает и какое крупное значение имеет в общем учении Моргана идея матриархата как универсально-исторической стадии в развитии человеческого общества и, в частности, идея материнского рода. «Это открытие,— писал Энгельс, давая оценку научной заслуги Моргана,—первичного материнско-правового рода как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»¹.

Однако к признанию матриархата и материнского рода в указанном значении Морган пришел не сразу. Рассылая в 1859 г. свою анкету для собрания терминов родства, Морган в первом варианте сопроводительного письма к этой анкете говорил, что счет происхождения по женской линии не был, повидимому, универсальным для всех индейских племен. Во втором варианте этого же письма Морган, несколько меняя свою позицию, говорит, что у большинства племен североамериканских индейцев дети принадлежат к роду матери, и делает оговорку, что если этот порядок в прошлом был универсальным, то теперь уже не то. Имея в поле своего зрения и учитывая попрежнему только матрилинейную филиацию, Морган в 1868 г. в своем докладе «Предположительное решение вопроса о происхождении классификационной системы родства» лишь констатирует, что род может строиться либо по мужской, либо по женской линии, видимо, воздерживаясь или уклоняясь от принятия тезиса Мак Леннана (со взглядами которого он был уже знаком) о том, что матрилинейная филиация по универсальному порядку предшествовала патрилинейной. Наконец, и в своих «Системах родства и свойства» (1870) Морган не решил этого вопроса.

Мы имеем все основания считать, что окончательным признанием значения матриархата в широком смысле и конструированием понятия материнского рода Морган в весьма значительной мере обязан Бахофену. По всей видимости, Морган познакомился со взглядами Бахофена, изложенными в его «Материнском праве» (1861), довольно поздно и уже в период, когда оканчивал свою работу над «Древним обществом» (1877). Можно предположить еще, судя по тексту соответствующих мест в «Древнем обществе», что Морган узнал о Бахофене не непосредственно, а из упоминания о нем в «Истории Греции» Курциуса. Надо думать, наконец, что именно влиянием Бахофена была вызвана особая, несколько особняком стоящая, глава «Древнего общества» (глава 14)— «Переход порядка обозначения происхождения от женской линии к мужской», причем у Бахофена же в значительной мере был взят и материал для этой главы².

При таких условиях не только простой любезностью надо признать то обстоятельство, что Морган счел должным послать Бахофену экземпляр вышедшего из печати своего «Древнего общества». Это вызвало переписку между двумя конгенными учеными. К сожалению, письма Моргана к Бахофену не обнаружены, и мы имеем лишь светлые письма Бахофена. Приводим эти четыре письма швейцарского ученого³.

14 мая 1878 г. Бахофен писал Моргану:

«Ваше любезное предложение оказать мне честь присылкой экземпляра вашего нового труда «Древнее общество» я получил сегодня. Будучи большим почита-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 126.

² См. еще по затронутым вопросам, а равно соответствующие ссылки в наших работах: Л. Г. Морган, Жизнь и учение. Изд. 2, Л., 1935; И. Я. Бахофен, Советская этнография, 1933, № 1.

³ Письма Бахофена к Моргану хранятся в архиве Моргана, в Рочестерском университете. Мы приводим их в переводе с копий, любезно присланных нам профессором Колумбийского университета в Нью-Йорке, Бернгардом Стерном, известным автором биографии Моргана и собирателем его литературного наследства. К сожалению, в сообщенных нам копиях обращения и подписи опущены.

телем вашей первой ценной публикации о системах родства, я не замедлил уже несколько недель тому назад выписать «Древнее общество» из Нью-Йорка с намерением изучить эту книгу предстоящим летом. В настоящий момент я дошел только до пятидесятой страницы,— начало, достаточное для того, чтобы побудить меня не пожалеть ни времени, ни труда и прочитать весь этот объемистый трактат.

Я тем более любопытною ознакомиться с вашими взглядами на стадии человеческого прогресса, что «Исследования по древней истории» Мак Лечнана (Лоядон, 1876) кажутся мне крайне неудовлетворительными в их критических замечаниях по вопросу о древних системах родства. К историческим исследованиям не подходят адвокатские рассуждения, которым место в судебных процессах. Они являются лишь предметом наблюдения — и наблюдения натуралиста, который деликом отдается фактам, лежащим перед ним в его микроскопе. Собрать эти факты должно быть первой целью наших усилий. Я верю, что изучение вашей последней публикации значительно расширит сокровищницу подобного рода материалов, которые должны служить строительным камнем для всех наших систем и личных взглядов. Системы варьируются и испытывают изменения в зависимости от накопления фактов, становящихся нам известными. Материалы одни остаются и обеспечивают нашим работам длежащую ценность.

В течение последних лет я посвящал много времени разностороннему чтению и не без большого труда добывал старые и современные работы, необходимые для моей темы. В отношении древних американских племен я пока еще имею мало литературы. Мой интерес к этой части человечества нуждается в помощи и дружеском участии человека, столь основательно знакомого с литературой по туземному населению вашего континента, каким вы проявили себя в ваших многочисленных работах. Темой моего специального изучения в настоящее время являются отношения между братом и сестрой, братом и сестринными племянниками и племянницами, вопрос, следовательно, о материнском дяде (римском avunculus), т. е. вопрос, столь близко связанный с системой родства исключительно по материнской линии. Всякое сообщение фактических данных, характеризующих отличительные черты этого специального вида родства у древних американских племен будет принято мной с сердечной признательностью. Повидимому, индейские племена придавали крупнейшее значение родству между материнским дядей и племянником, в чем они сходятся с другими человеческими расами. Эта особенность ведет нас в прошлое, к самому началу нашей расы, и проходит в нашей истории через все последовательные ее стадии от дикости через варварство и до утверждения цивилизации, лишь в незначительной мере меняясь в своем значении и смысле с развитием семьи от материнской до существующей ныне отцовской. Если вы мне позволите указать на специальный труд, с неоднократными ссылками на который я встречался, я назвал бы вашу историю Лиги ирокезов. Другим чрезвычайно интересным источником могли бы быть материалы, собранные правительственными обследованиями по делам индейцев, но превыше всего — собственные предания, мифы и песни самих индейцев, насколько таковые собраны современными исследователями. Возвращаясь к вашему последнему труду о «Древнем обществе», я прошу разрешения передать предложенный вами мне экземпляр университетской библиотеке, которая будет очень рада предоставить его для общего пользования интересующихся. Что до меня лично, то я надеюсь, что вы сохраните ко мне те дружеские чувства и любезное внимание, о которых свидетельствует ваше письмо от 19 апреля столь лестным для меня образом».

Несколько месяцев спустя, 21 ноября 1878 г., Бахофен вновь пишет Моргану:

«Изучив ваш труд о «Древнем обществе» от начала до конца, я не могу удержаться, чтобы не выразить его автору моей великой благодарности за этот ценный вклад в систематическое познание предмета, который здесь трактуется, предмета, столь тесно связанного с моими собственными изысканиями. Исследование системы родства и свойства, в частности, у северо-американских индейцев, вместе с новым трудом станут отправным пунктом целого ряда новых исследований, полных новых перспектив в области того периода человеческого существования, на который до сих пор едва обращалось внимание. Свет, пролитый теперь на множество фактов, содержащихся в преданиях древнеклассического мира Европы, не только подтверждает взгляды, содержащиеся в моей собственной книге о «Материнском праве». Но способствует в очень большой мере открытию весьма значительного количества отдельных пережитков периода варварства, сохранившихся в века совершенно этого умственного склада и на наивысшей ступени древней цивилизации. Странности, которые прежде не вызывали никаких замечаний, ныне останавливают наше внимание и становятся понятными...»

Следующее письмо ярко отражает резкое расхождение Бахофена с господствующими взглядами современной ему немецкой науки. Посылая Моргану 29 сентября 1880 г. только что вышедший первый том своих «Антикварных исследований», Бахофен писал:

«Положенная здесь в основу точка зрения та же, что и выраженная вами в вашем последнем сочинении. Я сопоставляю явления так называемой классической древности с соответствующими явлениями других, либо исторически, либо географически связанных с нею культурных областей».

народов, либо существующих еще варварских племен, и стремлюсь то загадочное, что объясняется у первых, объяснить и сделать понятным при помощи последних. Я лишь в задле в дальнейшем применить этот прием гораздо шире, чем это сделано в данных трудах первых номеров, и таким путем подойти и к исследованию римских родов. Я совершенно убежден в том, что между ирокезским (беря это племя в качестве примера) и римским племенами как в отношении их внутреннего строя, так и в отношении принципа их конфедерации, существует полное соответствие, и что мы можем здесь достичь большей, чем доселе, ясности и истинного понимания только путем сравнительного исследования. Немецкие ученые, в частности филологи, ограничиваясь классическими народами, страдают печальной односторонностью. Редко выходит их взор за пределы узких границ древнего мира, иногда — лишь степных народов. Всякое явление прежде всего изолируется, отрывается от какой бы то ни было связи, затем обсуждается и критикуется с точки зрения современных избитых идей и, наконец, совершенно опошляется. Все это связано с прожуренными германскими кабинетами, а также и с узостью политических интересов немецкого народа, чей взор не привык к широким горизонтам. В том же направлении, наконец, действует и взрощенное еще в школе фальшивое преклонение перед так называемой классичностью греческого и римского мира. Римляне и греки считаются чем-то вроде избранных народов, которые ни в коем случае не могут быть сравниваемы с варварскими племенами, причем какое-либо сходство с другими смертными считается заранее исключенным. В отношении более поздних стадий развития этот узкий горизонт менее пагубен, но он является совершенно роковым для понимания первобытного состояния и начальных ступеней развития народов. Эти последние подчиняются везде одним и тем же законам и одинаковы во всех частях света. В этих основных положениях мы с вами, как я вижу, совершенно единомышленны...»

Возвращаясь к той же теме в другом письме к Моргану, от 4 января 1881 г., Бахофен писал:

«Задача историка состоит в показе различия между тем, что было когда-то, и тем, что есть сейчас. Но историки этого рода являются редким исключением в наши дни: *rari naves in gurgite vasto*.⁴ Германские ученые, в особенности, идут по другому пути. Они имеют в виду сделать античность понятной, трактуя ее в свете ходячих идей нашего времени. Они видят только самих себя в творениях прошлого. Отсюда та тупость, с которой они отбрасывают те предания, которые не истолковываются этим ложным путем. Понять образ мыслей, отличный от нашего собственного, — тяжелая задача: взять варварство само по себе и забыть все связанное с нашей так называемой цивилизацией считается свидетельством реакционности, общественной и политической. Каков конечный результат этого заблуждения? Не что иное, как прискорбное фальшивое изображение начал человеческого развития, напоминающее картины прошлого столетия, изображавшие Кариолана в одеянии телохранителя Людовика XIV и Ветурию в наряде придворной дамы на дворцовом празднестве. Во что превращен Кариолан? В наивную сказку для детей, недостойную серьезного внимания. То же самое происходит, по моему мнению, с родами и римскими царями. Они становятся прототипами германского императора и жалкой аристократии, окружавшей его трон. Во время революции тот и другие свергаются с одинаковой ненавистью, как будто они обладали действительной властью. Как видите, я совершенно согласен с некоторыми из ваших основных идей...»

Последнее из приведенных писем Бахофена датировано 4 января 1881 г. В ту пору Морган был тяжело болен. 17 декабря того же года он скончался.

⁴ Редкие пловцы в обширной пучине.